

ЮРИЙ СНИТКОВ

ДИТЯ ЗЕМЛІ

18+

Юрий Снитков

Дитя Земли

<https://litres.ru/74089724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петр появляется на свет в тусклом отсеке тюремного корабля. Его тело не знает притяжения, его детство проходит среди опасных преступниц. У него нет будущего. Земля его не примет. Гравитация раздавит, как насекомое.

Петя учится дышать в пустоте, двигаться в невесомости, слышать голоса в своей голове. Но он и не догадывается, что его рождение способно изменить ход истории.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Снитков

Дитя Земли

Глава 1

– От кого он?!

Плотный голос капитана Дулина пробивался сквозь неряшливую рыжеватую бороду и сливался с гудением приборов. Кричал он на испуганную женщину в оранжевом комбинезоне, расстегнутом до пояса. Рукава парили вокруг бедер, выше белая майка, еще выше карие глаза. Женщина отвела взгляд и всхлипнула.

– Смотри на меня, заключенная Панкратова! – продолжал вопить капитан. – Повторяю в последний раз! От кого ты залетела?

Заключенная стояла, вернее, парила в невесомости. Упиралась позвонками в мягкую закругленную стену и уводила взгляд в сторону. Толстый капитан почти касался ее своим брюхом, которое, лишённое привычной тяжести, студенисто колыхалось под полетным термобельем – нестираным, вонючим. Рядом, отстранившись от происходящего, левитировали тюремный доктор Круглов и его старый УЗИ-аппарат. Док морщил свой лоб и то и дело поправлял очки на резинке.

– Ты слышишь меня?! – брызгал слюной Дулин. – От ко-го?!

– Охранник, – тихо ответила она.

– Тюремщик?

– Да.

– Имя! – Дулин продолжал сверлить ее темным взглядом.

– Не знаю... Он остался там... На Титане.

– То есть, папаша не из наших?

Заклученная покачала головой.

Дулин напряг челюсти, раздул ноздри. Панкратова вжалась в стену, упираясь рукой в прибор.

– А как ты прошла медосмотр? – Взгляд капитана перекинулся на доктора.

Круглов от неожиданности выпустил из рук прибор. Аппарат перевернулся несколько раз, и док неловко его подхватил, прижал к себе и замер, не зная, что сказать. Эта женщина несколько месяцев прятала от него растущий живот, и, делай он вовремя осмотра и бери анализы, неприятность обнаружилась бы намного раньше.

– О-осмотр, – мямлил заикающийся врач, – осмотр был з-за два дня. За два дня до отлета. Видимо, в-в эти дни она... – не договорил Круглов и сглотнул. В невесомости все звучало громче.

– Ты понимаешь, что ты здесь не родишь? – капитан снова обратился к заключенной. – Вы тут подохнете! Оба подохнете! – процедил он сквозь стертые зубы.

Женщина молчала. Она завела парящие темные волосы за ухо – земная привычка, бесполезная в космосе, и сомкнула руки на груди. Жест убедил капитана, что кричать бесполезно. Панкратова дала понять, пусть и неосознанно, что теперь ей есть кого защищать, есть за кого бороться. Теперь она не имела права давать себя в обиду. Хотя бы так, хотя бы глазами, но она должна давать отпор. Иначе эти люди, превратившиеся в космических дворняг, голодных, одиноких и злых, ее разорвут.

Капитан издал что-то похожее на рык, оттолкнулся от стенки и нырнул за шлюз медотсека. Словно «морской котик», почему-то подумалось Ане. Дулин не носил обуви, оттого его пятки были чернее ночи, хотя ходьбой они не разминались уже четыре месяца. Ночи в космосе нет, как и дня, поэтому космическая ночь – время, когда все спят. И, может быть, спящим снится обычная земная сумрачная тьма, с прячущимся под горизонты солнцем.

Аня Панкратова почувствовала: внутри ее живота, в телесной темноте, кто-то размышлял о морских котиках и космической ночи и дне. Это были не ее мысли. Слишком странно они двоили смыслы, заплетались и медлили.

Пятки скрылись. Доктор выдохнул, почесал лысину и дернул ручку одного из ящичков, вклепленного в цилиндрическое пространство помещения. Мало ему опухолей, что находили у обитателей корабля почти каждый месяц, мало ожогов от шокеров, головных болей, радиации, гастритов и язв от

местной пищи, укусов и побоев. Теперь еще и это... Эта и это в ней. Долбаный ребенок! Как вообще она умудрилась забеременеть на Титане? Без капсулы, без препаратов. Просто в какой-то сырой камере изолятора, с каким-то полупьяным тюремщиком, в полугравитации. Да еще и залетела после предполетного осмотра. Дура.

– Руку д-давай, – грубо гаркнул док, резко осмелевший после ухода капитана, и схватился иссохшими пальцами за женскую кисть. – Значит, ставлю т-тебе медпроцессор. Б-будем следить за твоей беременностью. – Он грубо смазывал плечо Ани желтой мазью, словно штукатурил стену.

– Это правда, что нельзя родить? – тихо спросила она.

– А к-как ты думала? На обычных кораблях с гравитацией, н-нормальным давлением и медкапсулой в-вполне можно такое п-представить. Но на тюремном... Впрочем, не т-так много было попыток. Т-так что поздравляю, Панкратова, за такой эксперимент и с-сдохнуть не стыдно. – Круглов помолчал. – Ты сначала здесь выноси... Р-родить... Родить – это дело т-третье. Вот, если повезет, дойдет до этого.

Аня задумчиво положила ладонь на живот.

– Кто у меня?

– К-кто? – переспросил Круглов безразлично. – У тебя не кто, а что... Одна б-большая проблема у тебя... и у меня, в-впридачу. Б-больше некуда...

Аня сморщилась от боли. В тонкую руку впиалась пластинка с датчиком. Через нее доктор будет получать все данные о

теле будущей матери... или будущей смертницы. Обычно такие приборы полагались только команде и тюремщикам. Заключенным выдавали лишь средства перевязки, некоторые виды обезболивающих да небольшой запас газа VG. Того самого, что использовался для гибернации – сна в долгом полете. Но здесь, на корабле, дорогостоящее оборудование для поддержки жизнедеятельности и вывода из сна отсутствовало. Поэтому газ использовали только для усмирения буйных.

Круглов передал Аню ухмыляющейся тюремщице. Та подтолкнула заключенную: в этом толчке было что-то мягкое и даже сочувствующее. Мол, лети давай, ты, конечно, еще заключенная, но мне тебя искренне жаль. Впрочем, другие работницы охраны плевать хотели на проблемы зеков, даже такие деликатные, и жестко пропихнули Аню в отсек к остальным.

«Сюаньюань 4» – или, как его называл Дулин, «хуяньхуянь» – ветхий космический тягач с несколькими грузовыми капсулами и двумя, переделанными из этих же грузовых, тюремными, перевозил депортированных с Титана заключенных. Он с трудом прошел техническую проверку и, похоже, отправился в свой последний путь: либо звездолет потеряют в темноте космоса, либо распилят на металл позже. Никого судьбы преступников не волновали. Человечество осваивало дальние горизонты, те, кто этот процесс тормозил, обществу не нужны. Они – мусор. Умирать и гнить им в тюрьмах кос-

мических и земных.

В тот день все узнали о существовании еще одной жизни на корабле. Заключение Панкратова, конечно, догадалась немного раньше. Когда по утрам стала накатывать тошнота и пара ежемесячных гигиенических комплектов осталась неизрасходованной. Лишняя жизнь в этой душной космической посудине.

Позже Ане сообщили: мальчик. Она проплакала всю космическую ночь. Шарики слез летали по тюремному отсеку, разбивались на частицы и раздражали сокамерниц. Женщины в таких же оранжевых комбезах шептались и тихо смеялись над Панкратовой, радовались, что кто-то оказался в этой цепи страданий ниже них. Только Марта пристегнулась рядом, обняла большими смуглыми руками и что-то шептала на ухо. Этими самыми руками Марта убила своего мужа – французского космо-офицера. Детей у нее не было, как и у большинства женщин, отдавших свою молодость Титану.

– Тише, – сказала Марта, – побереги нервы. Еще пригодятся.

– За что это мне? – шепотом спросила Аня.

– Не знаю, – спокойно ответила Марта, словно такое случилось с ней самой постоянно. – Справимся, Ань. – Она смахнула слезы подруги, собравшиеся на ресницах.

– С чем справимся? – Аня пыталась успокоиться. – С чем? С этим? – Аня дернула ремень, приковавший ее к банке..

– И с этим. – Марта поправила подруге застёжку. – И с

этим. — Она кивнула на живот.

Аня взяла подругу за руку и крепко сжала.

Тюремные отсеки — серые консервные банки с толстыми стенами. На магнитных застежках заключенные липли к стене, как сонные мухи. По правилам отстегиваться можно было только в свободные часы, но почти сразу после взлета правила здесь перестали существовать.

Сквозь центр банки проходили изогнутые шесты для передвижения. Они были перевязаны тряпками и принадлежностями заключенных. Вещи облепили балки, и казалось, что отсек пронзают нелепые разноцветные деревья. Все это походило на неподвижную зловещую карусель, по которой летали женщины в оранжевых костюмах.

Вдоль стен, между застежек, проходили невысокие перила, тоже для перемещения. Туалет представлял собой трубу с пластиковым наконечником, к которой нужно прислониться и включить вакуум. От чужих глаз прятала только круглая пластиковая заслонка. У каждого заключенного имелся маленький выдвижной ящичек в стене, в нем только самое необходимое — это единственное личное пространство, принадлежащее женщинам в оранжевом.

Таких банок на корабле находилось две: мужская и женская. Говорят, в мужской было настолько тесно, что заключенный всегда до кого-то дотрагивался. Мизинцем или волосом, но всегда ты соединен с кем-то... В женской банке куда

свободнее: всего двадцать преступниц. И теперь еще один.
Заклученный в заключенной.

Глава 2

Дулин тяжело пялился в монитор центра связи, подбирал слова. В этот раз, помимо обычного отчета, было бы неплохо упомянуть об инциденте с заключенной, объекте или субъекте внутри этой заключенной. Реакцию ЦУПа предугадать не сложно.

Дулина никогда бы на порядочный корабль не взяли. Алкоголик, наркоман и лудоман, проигравший, пронюхавший и пропивший, наверное, целую планету. «Сюаньюань 4» стал его большой удачей. Без этой внезапно открывшейся возможности он бы коптился в каком-нибудь бараке, управляя разве что погрузчиком, и пытался избавиться от наложенных когда-то штрафов, чтобы накопить на путь домой. Хотя сам Дулин считал, что списали его не по делу, и намеревался это всем доказать. Правда, намеревался ровно до момента, когда решил спрятать на корабле несколько ящиков со спиртным. А поэтому уже проштрафившийся по всем фронтам капитан отложил новости о Панкратовой и ее проблеме. Авось пронесет, подумал он и отхлебнул из эластичной фляги с соской.

– А что мне им сказать? – Дулин возмущенно уставился на прилетевшего доктора.

– Ч-что сказать? – не верил своим ушам Круглов. – Что у-у вас н-на корабле б-беременная! Я н-никогда этим не з-

занимался, капитан. Никогда н-не вел беременность и не принимал роды!

– Все когда-то бывает впервые. Я когда-то тоже кораблем не руководил. А ты когда-то не з-з-заикался.

Доктор нервно задрал рукава и скрестил руки. К подколам и передразниваниям Дулина он за три месяца привык, сейчас его волновала только беременность.

– Э-это очень с-серьезно...

– А никто не спорит. Придется тебе напрячь свой лобик и немного поработать. Ты же док. Деньги за это получаешь. Между прочим, сильно больше тюремщиков... Вот и вперед! Развлекайся... А, к слову, не ты ее? – усмехнулся капитан.

– К-к-конечно, нет. – Круглов возмущенно поправил очки.

– Верю, – ехидно сказал Дулин. – А так ниче она, да? Спелая.

– Н-нужно все-таки с-сообщить...

– Покомандуй мне еще. – Капитан припал к мягкой бутылке и, причмокивая соской, как младенец, сделал несколько глотков, после чего громко вздохнул. – Я сам... Разберусь. Лети, у тебя дел теперь прибавилось.

Круглов еще немного помялся, пока охмелевший капитан не вытолкнул его из шлюза.

– А про, как ты сказанул, плод, мы потом поболтаем, Круглов. Тут вот тоже... Смекалка твоя пригодится. Ты это же понимаешь о чем я?

– Ч-что?

– Ну сам подумай. Тут не ясли, да? Зачем мучить создание, если можно, ну... Ладно. Потом поговорим. Проваливай.

– К-капитан...

Но Дулин уже захлопнул шлюз перед доктором.

Помимо преступников, корабль транспортировал гелий-3. Тот самый, из-за которого и происходил весь шум вокруг холодного Титана. Тот самый, что обеспечил землянам новый энергетический рывок и триллионный рынок. Запасы на сатурнианском спутнике на порядки выше лунных, где американский «Селенит Индастриал» выскребает его вакуумными комбайнами из реголита. Доставить тонну гелия-3 с Титана стало проще, чем выковырять килограмм из лунного песка. А еще редкоземельные элементы, экзотические металлы, дейтерий. Русский «Астропром» и китайский «Гелиос-Китай» рванули к Титану силой двух корпораций. Пока «Селенит» богател на Луне, на Титане строились базы, шахты, дробилки и плавильни, и теперь экономическая война обрела невиданные масштабы. Государства давно научились обходить запрет на космические армии. Теперь солдаты назывались сотрудниками службы безопасности корпораций.

Круглов судорожно листал свой справочник и медицинские анализы Панкратовой, включая предполетные. Эта жен-

щина прекрасно справилась бы с родами. На Земле. А здесь, по выводам самого Круглова, здоровье не самый важный фактор.

– П-панкартова, надеюсь, к-кто-то за тебя там молится, – зачем-то пробубнил док.

Он открыл показатели датчика, что вживил Ане. Беременная испытывала сильнейший стресс. А вот сердцебиение плода, 160 ударов в минуту, даже немного обрадовало Круглова. Верхний показатель земной нормы. Хотя, внешний вид создания, что док наблюдал во время УЗИ, ставил под сомнение само наличие сердца. В этом комке плоти все-таки зародилась жизнь.

Панкратовой повезло не остаться на спутнике Сатурна – фронтире политических и бизнес-противостояний, где в единственной тюрьме люди жили в среднем по три года. Гуманизм окончательно покинул общество, когда оно вышло на космические тропы. Человек вдали от Земли теряется. Теряет себя, свой внутренний голос и сливается с пустотой вокруг. В космосе люди – говорящие функции, строки с характеристиками в таблицах больших национальных корпораций. У заключенных характеристика одна – вредители. И их участи на Титане завидовать не стоит.

Спасло от гибели обитателей Сюаньюаня 4, как ни странно, участие в террористической группировке. Вернее, принадлежало к ней три человека, но бунтовать подтянулись и

несколько десятков других. В моменте намерения террористов совпали с желаниями шахтеров и техников, уставших от произвола местных начальников. Название организации, что стояла за бунтом, на Титане старались не разглашать. Но все были уверены, что это «Новый порядок», несколько лет разрастающийся на Земле, а ныне прячущийся там же небольшими группировками в лесных норах и бункерах. Их разрозненное, но беспощадное движение уже уничтожило второй по значимости супер-интеллект на планете. Вся его инфраструктура была уничтожена несколькими роями дронов в течение одного часа. После этого шансов у организации не было, их вытравливали со всех концов Земли.

Позже и на Титане, и на Марсе с Луной вдруг прорезались знакомые лозунги, призывающие свернуть космические программы, отказаться от прогресса и вернуться на Землю, где будет строиться новый мир, без госграниц, железной пыли, радиации и искусственных мозгов. Поговаривают, что их появление в космосе, да и на Земле, дело рук одной из корпораций. Но Порядок стал настолько неуправляемым, что вряд ли сейчас хоть один мультимиллионер или президент смог бы с ними договориться. Если только с одной из ячеек. После случая на Титане уже около года о Порядке и вовсе ничего не было слышно.

Именно поэтому всех бунтарей со спутника Сатурна корпорация решила доставить на Землю. Восстание на базах «Астропрома» быстро подавили, соскребли выживших в ку-

чу и отправили в веселое путешествие. Властям нужно было устроить публичную расправу за первые космические шаги «Нового порядка». А Панкратова просто выхватила «счастливый билет», оказалась рядом со свободным местом, с парочкой таких же обычных преступников. Проблеск гуманизма, как казалось Ане, превратился для нее в кошмар: путь домой в компании самых известных космических террористов, долгие годы полета, который сознательно делали невыносимым, теснота и вонь банки.

Когда ее погрузили в отсек – переделанную грузовую капсулу, первое, что увидела Аня, – свежий шрам на лице Дины, активной участницы восстания. Шов проползал по всей щеке и уходил по бритой макушке куда-то на затылок, где еще была наложена повязка.

– Будешь так пялиться – такой же получишь, – сказала Дина, поправляя силиконовый протез кисти, только что возвращенный ей тюремщицей.

– Извини. Я Аня.

Дина не отреагировала, а в банку затолкали еще двух потерянных женщин.

– А ты у нас дружелюбная шалава, да? – не глядя на Аню, просипела Дина. – Сколько сейчас платят? Или ты за еду?

Та в ответ промолчала, отвернулась и опустила глаза.

Ничего в человеке прогресс не изменил, и Аня этим пользовалась. За проституцию не убивают, не сажают и не депортируют, тем более в Астропроме. За нее грозят лишь штраф

или обязательные работы. Да и смотрели на все это сквозь пальцы – лишь бы работяги не жаловались. Но Панкратова чем-то ударила по голове мужчину, когда тот отказался платить. Слабая гравитация Титана этот удар немного смягчила – клиент умер не сразу. Труп и найденные наркотики – семнадцать земных лет. Больше года Панкратова провела за ржавой дверью изолятора на Титане и стала одной из тех, кого добровольно приписали к списку сепаратистов.

На тюремном корабле лететь до Земли четыре года. Аня решила, что выдержит их. Никакой роскоши, вроде искусственной комы, для бунтарей не предусмотрели. Поэтому на родной планете ей придется отсидеть около двенадцати оставшихся земных лет. Марте примерно столько же, но на Титане она практически не сидела. Марту признали как раз участницей бунта, хотя прямого отношения к восстанию она не имела. Поэтому из заключенных Марта тоже никого не знала, и с Аней они решили держаться поближе друг к другу, пока другие зализывают раны от допросов и задержаний.

– Приписали меня к этим, – заговорила Марта с Аней почти сразу, как заняла свое место. – Бог знает зачем, мало им что ли было... А все потому, что арестовали меня ровно в тот день, когда эти умалишенные забаррикадировались на погрузочной станции. Я и знать не знала про это. Все плакала о своем, пока следователь не удивил меня вопросами. Мол, какое вы отношение имеете к Порядку... Никакого! Не до него было мне.

— А здесь никто не имеет, — сказала подслушивающая Дина. — Ни ты, ни Панкратова, ни я. И эти все не имеют. Все это гребаный произвол, да, подруга? Никто не виноват, но всех наказывают.

— Я сама сюда согласилась, — сказала Аня. — Не могла больше там.

— А теперь и тут не сможешь, — ехидно ответила Дина. — А отсюда уже проситься некуда. Только на тот свет.

Прошло четыре месяца, а Аня помнила эти слова так, словно тот день еще не закончился. Сейчас они пугали гораздо сильнее. Казалось, что они были обращены не к Ане, а к тому, кто уже был внутри нее. Он ничего не совершил, не знал про Титан и космическое противостояние, не знал даже имени женщины, из-за которой он оказался в банке. Ему оставалось только покорно следовать своей судьбе и траектории Сюанюаня 4.

Глава 3

– Не знаю, что делать, – испуганно шептала Аня Марте, – мне кажется, я умру. И капитан сказал, и док.

Марта сжала ее хрупкую руку. Подруга только вернулась с осмотра. Все уже знали о ребенке, и ядовитый шепот их сокамерниц расплзался по банке.

– А ты их не слушай! Они только и знают, что пададьничать. На Титане свои мозги и души пропили, черти.

– Док не врал Я не хочу, чтобы все кончилось здесь.

Марта подняла пальцем невесомый подбородок Ани и строго посмотрела в глаза.

– Перестань. Думай о том, какой славный мальчуган у тебя родится. Да, родится, я сказала! Поняла?

– Тут не должно быть детей. – Аня окинула взглядом тусклую бочку.

– Тут вообще никого не должно быть. Думай о том, как вы вернетесь. Сколько ему уже будет?

– Хватит, – отрезала Аня.

К этому разговору они возвращались снова и снова. Аня говорила о смерти, о неясном будущем ребенка, а Марта ее останавливала. Хотя отчаяние внутри нее было куда больше.

– Как он тут будет жить, Марта?

– Не знаю. Мы же как-то живем?.. Не так-то и страшно, да, дитя? – Обратилась она к животу подруги.

В серости банки Аня общалась только с Мартой. Висели они всегда рядом, думали рядом и уже, кажется, сплелись душами. Другие женщины дружелюбием не отличались. Они то ли завидовали беременной Панкратовой, то ли злились на возню вокруг нее. Внимания Ане доставалось больше, но будущая мать с радостью бы от него отказалась. Когда она свыклась с мыслью, что ребенок внутри не сон, что он действительно есть, начала расспрашивать у Марты о воспитании. Та, впрочем, ничего о воспитании не знала, но рассказывала уверенно, с подробностями и уточнениями, словно сама выносила и вырастила целый отсек космических детишек.

– В общем, главное, – подытожила Марта, – не баловать. И разговаривать с самого начала, как со взрослым. Я слышала, что дети от сюсюканий тупеют. Нет, иногда, наверное, можно и посюсюкать. В общем, воспитание – это баланс.

Аня в ответ задумчиво покачала головой.

Замок затрещал, открылся люк, и в бочку залетели две женщины. Одна зависла у выхода вместе с шокером, а вторая держала в руках коробку с пакетиками.

– На порцию побольше не рассчитывай – все учтено, – сказала пролетающая мимо тюремщица и швырнула в будущую маму упаковку безвкусного пюре.

– Завидует, – шепнула Марта.

Мрачные женщины в темных потертых комбинезонах службы безопасности — тюремщицы, набранные из в основ-

ном предпенсионных работниц колонии Титана. Их костюмы все равно что те же робы, а их судьбы вместе со старой посудиной тоже поглощал космос. Решение здесь работать принималось не от легкой жизни, их подталкивали земные льготы для родственников и бесплатный путь домой. Одна женщина на годы полета могла обеспечивать целую семью, а работать здесь приходилось в разы меньше, чем на станции «Астропрома» на Титане. Тюремщики из мужского крыла, как ни странно, получали почти в полтора раза больше. Но и разгребать, в прямом смысле, дерьмо им приходилось куда чаще. С этой точки зрения в женском крыле было проще. Меньше заключенных, тише и чище.

Для миссии депортации работников космической тюрьмы даже обучали. Тюремщики с Титана от полета отказались и с радостью отдали свои места другим, как только узнали, что ни правительства, ни корпорации не собираются оплачивать гибернацию для преступников. Искусственная кома не для вредителей. Частью их тюремного срока стал бесконечный полет в тесной капсуле. Врагам союза двух государств, врагам Земли, врагам колоний и врагам человечества нет пощады.

Тюремщицы вооружались шокерами, иногда просто так трескали ими, чтобы припугнуть зарвавшихся заключенных. Так однажды одна из них случайно ударила себя током и потеряла сознание. Рядом оказалась ее коллега, поэтому никто из женщин в оранжевом трещалку не подобрал. Да и зачем?

Бежать отсюда некуда.

Аня выдавила в себя безвкусное пюре и подумала, что теперь эта порция для двоих. Воду пили из таких же упаковок с крышечками. Один космический день — один пакетик с водой и один с едой. Тюремщицы раздали пайки и исчезли за звоном люка. Марта протянула наполовину полный пакетик подруге.

— Мне хватит, — сказала она, бесшумно похлопав себя по большому животу. — Бери! — Марта насильно вложила в руку Ани, отказывающейся принимать подарок, свою порцию.

— Я буду говорить! — проревела колонка над входом нетрезвым капитанским голосом. — Я капитан тягача! Я! Вы все мне в подметки не годитесь, гнилье! — кричал Дулин, а заключенные не обращали внимания. — Вы бунтовщики! Всех вас в нормальное время К стенке! И никаких разговоров. Нет! Я знаю, что вы все, поганцы, хотите. Вы хотите, чтобы я вас всех отпустил. Но я буду первым, кто вам пулю выпишет — Послышалось причмокивание соски. — Говорят, вас всех подослал Селенит! Америкосы, да. Все уже знают, что они поддерживают сепаратистов и даже на хренов Титан протянули свои вонючие лапы! И вы все продажные вредители. Но Титан наш! Селенит не доберется до него никогда! А подбрасывая своих шавок, он нарвется, что мы его часть Луны отожмем! И будет у нас вся светлая сторона. Понятно вам, а?!

— Неугомонный какой, — сказала Марта.

– С этого момента никаких послаблений! – продолжал капитан. – Никаких жалоб! Никакого нытья! Вы мусор! Слышали меня, а? Вы падаль, отбросы и последние мрази! И дети ваши точно такие же! Собаки рожают только собак! Слышала, Панкратова!? Это про тебя, сучка. Ты меня не проведешь!

Иногда в банке включали музыку или аудиокниги. Раньше показывали и кино с Земли. Экран сломался. Позже его просто открутили и кинули на склад, чтоб не жаловались. Панкратовой отчего-то нравился короткий юмористический рассказ про покорение Луны. Может, она вспоминала свои первые дни на Титане, а может, выдуманные технические термины веселили бывшую работницу инженерно-проектировочного бюро Титана. Когда женщина смеялась, там, внутри, невесомость вокруг него содрогалась.

Теперь главным развлечением стал бред пьяного капитана из рубки. Если везло, то он мог рассказать какую-нибудь веселую армейскую историю, но чаще всего капитан просто воинственно вопил или ныл в микрофон, пуская на том конце сопли.

Болтовня прекратилась, а через пару минут в колонке слышался храп, и ее отключили тюремщицы. Дулин входил в 1% процент людей, что могли храпеть даже в космосе, при невесомости. Причем объяснить причину этих звуков пока никто не смог.

– Наконец-то. – Марта уже готовилась ко сну.

– Панкратова, как назовешь? – спросила вдруг Герда – одна из сокамерниц.

Эта женщина преклонных лет с короткими седыми волосами и мутным взглядом часто беспричинно начинала разговоры, но про себя никогда и ничего не выдавала. На ее лице красовались выцветшие наколки: острые серо-зеленые узоры и неразборчивые надписи. Они наносились в молодости, и теперь на опухшем воспаленном лице, встречающем старость, смотрелись устрашающе.

– Я еще не думала, – ответила Аня. Она не хотела говорить об этом ни с кем, кроме Марты

– Не родит она. Помрет, — встряла Дина.

Дина – особенный случай. Ее кровавые проделки случились еще на Земле, а обнаружили преступницу уже на Титане, под другим именем, да еще и в списке бунтовщиков, только что чуть не уничтоживших грузовую станцию. В последнее время на спутник кого только не брали. Вакансии теперь раздавали, не проверяя ни судимости, ни гражданство, ни даже знание языка.

– А ты, Дина, давно у нас акушерка? – заступилась Марта. – Родит она, закройся!

– Ага, — безразлично протянула Дина. — А че, трахарь твой не полетел? — язвительно добавила она в сторону Ани.

– Отвали от нее! – крикнула Марта.

– Если и родишь – отнимут на Земле, – продолжила подначивать Дина, – будешь выть Лучше б ты раньше создалась,

наш лекарюга бы тебе быстро все почикал. Выскоблил бы, даже б не почувствовала

– Я тебе что сказала!? – крикнула Марта и подлетела вплотную к седеющим бровям Дины.

Та, кажется, этого и ждала, и оскалила зубы металлического оттенка.

– А то че, подстилка французская?

– Придушу, – злобно прошептала Марта.

– Как и муженька своего?

– Разошлись! – вздрогнула строгим голосом колонка над шлюзом.

Красная лампа над входом брызнула красным – знак, что если не послушаться, сюда влетят женщины в темном, и разговаривать они не станут, только трещать. Марта толкнула стенку рядом с неприятельницей и нырнула обратно. Лампочка погасла – голос замолчал.

Марта не разрешала Ане реагировать на зечек, отвечать на глупые вопросы и даже смотреть на них. Марте казалось, что эти существа не достойны думать о том, кто внутри Панкратовой. Этот малыш – единственное светлое пятнышко в железной конструкции, что безмолвно разрезает космическую темень. Он появится, и все вокруг засияет, станет чище, лучше и, может быть, обретет смысл. Нечего грязным каторжанкам, испорченным тяготами жизни, пропитанным жестокостью, думать о нем. Они, если позволит вселенная, поймут все после, когда он появится.

Все это время Аню мучала тошнота. Даже Марта иной раз раздражалась от мутных капель, не попавших в пакет. Док прилетал в обед, осматривал живот и улетал. Ни таблеток, ни витаминов он не выписывал. Не было у него ничего для подобных случаев, а значит, заключенной придется справляться своими силами.

– Тошнота – это нормально. Я р-распорядился двойную порцию воды тебе, Панкратова, – говорил он почти каждый раз.

Но тюремщиц его распоряжение не волновало.

– Жопой пусть своей распоряжается, заика, – ответила одна из них, когда Марта напомнила на раздаче о словах врача.

Марта, конечно, отдавала часть своего пайка, хоть Аня и была против. Но эта часть предназначалась не Панкратовой, а ребенку, поэтому Марта ее особо не спрашивала.

Больше всех в банке на Аню смотрела корейнка Ханбель. Она почти не разговаривала и казалась невидимой травоядной среди местных хищниц. Ханбель, как ни странно, стала членом «Нового порядка» еще на Земле. Не она собирала вокруг себя рабочих в темных углах общежитий Титана, и даже не брат Ханбель, киснувший в мужской бочке. Но вот взрывчатку собирали их умелые руки. Их же руки взламывали экосистему «Астропрома», пока за них не схватили и не нацепили наручники. На Титане некуда деться из коридоров, шахт и ангаров. Конечно, можно нацепить скафандр и попытаться скрыться, чтобы остаток часов, пока хватит кис-

лорода, побыть на свободе. Но времени у Ханбель и ее друзей не было даже подумать об этом. Их, троих, пытали с особой жестокостью, все хотели выведать спящую ячейку «Нового порядка» на какой-нибудь станции. Надо сказать, что терпеть Ханбель умела как никто другой. Даже ее брат ткнул в парочку незнакомых фотографий и признал связь «Нового порядка» с «Селенитом», а она нет.

Аня часто чувствовала взгляд Ханбель на себе. Что-то та хотела в ней увидеть, высмотреть. Когда взоры пересекались, корейка растерянно отводила глаза. По-русски и по-английски женщина говорила плохо, а даже если что-то и произносила, то приходилось переспрашивать. В ее шепоте Панкратова улавливала нарастающее безумие, пронизанное тоской. Другие ее после бунта сторонились, лидером тем более не признавали. Все, что восставшие пытались сделать плечом к плечу, осталось на Титане. Теперь они незнакомцы.

Когда корейка узнала о беременности, что-то в ней ожило. И все свое безумие она сконцентрировала в том самом взгляде.

– Хватит на меня пялиться! – отчаянно крикнула Аня.

Корейка что-то прошептала на своем, повернула голову и скрылась в зарослях сухих темных волос. Пугала она даже бесстрашную Марту. Та догадывалась, что в тишине и спокойствии этой женщины пряталась сила, подпитываемая чем-то извне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.